

дий и основанием Эмаусского монастыря. На противоположном полюсе — в русской агиографии, конкретно в «Сказании о преложении книг», включенном в ПВЛ вероятнее всего в начале XII в., — затушевывались связи солунских братьев с Римом.

Нет никаких оснований смущаться тем, что Кристиан, писавший в конце X в. в Праге и посвятивший свой труд епископу Войтеху, отзывался о деле Кирилла и Мефодия с горячими симпатиями. Тон первых двух глав Кристиана показывает, что в то время славянская культура вовсе не преследовалась в Чехии, а, наоборот, переживала мощный подъем. Картина судеб славянской литургии в Чехии X столетия до сих пор часто искажалась традиционными предрассудками. Даже те исследователи, которые должным образом учитывали наличие славянских элементов в пржемысловской Чехии, все же были склонны полагать, что в эпоху Войтеха элементы эти скорее терпелись, чем поддерживались. На самом же деле в Чехии времени Войтеха и Кристиана следует видеть один из важнейших и активнейших очагов ранней славянской культуры. С эпохой Войтеха нужно связывать возникновение так называемого первого старославянского жития св. Вацлава («востоковского»), а также, возможно, и других памятников. Сейчас уже ясно, что Кристиан прямо воспользовался этим «востоковским» житием св. Вацлава и знал и другие сочинения, написанные на старославянском языке.

Без верного понимания роли Войтеха нельзя восстановить правильное развитие славянской культуры в моравско-чешской области в IX—XI вв. Мы располагаем обширным материалом о деятельности Кирилла и Мефодия в Моравии IX столетия, имеем бесспорные данные о существовании славянского богослужения в Сазавском монастыре в XI в., но общая картина эволюции остается неполной. Много памятников, дошедших до нас в поздних русских списках, не поддается точной датировке. Изучение эпохи Войтеха позволит со временем восполнить большинство этих пробелов. Прежде всего находит объяснение активность Сазавского монастыря в XI в., которая была бы непонятной без подготовки соответствующих условий в предшествующем столетии. Далее облегчается исследование начального, кирилло-мефодиевского периода, в который часто переносят самые различные памятники. Эпоха Войтеха не была эпохой упадка, а еще менее эпохой прекращения кирилло-мефодиевских традиций. Эти соображения позволяют нам перейти к оценке совпадений между Кристианом и «Сказанием о преложении книг».

3

В истории чешской и русской культуры есть сходство, которое сразу бросается в глаза: в начале XII в. и в Киеве, и в Праге появляются крупные летописные памятники. На Руси создается окончательная редакция ПВЛ, а в Чехии декан Пражского капитула Козьма пишет свою «Хронику чехов». Вряд ли можно утверждать, что и в предшествующий период историография обоих народов развивалась параллельно, но все же можно, пожалуй, наметить общие черты. Важнейшее сходство, как мне кажется, состоит в том, что и на Руси, и в Чехии развитие шло от легенды, жития к летописи, хронике в прямом смысле слова.

В чешской исторической науке было много споров о природе творения Кристиана: житие это или хроника? По известному выражению Пекаржа, это — «древнейшая чешская хроника», но, по мнению других исследователей, сочинение Кристиана представляет собой комплекс нескольких житий, в первую очередь Людмилы и Вацлава. Было высказано и компромиссное